

Полина Светлова

Пудовиковы
и Город Забытых Имен

Полина Светлова

Пудовиковы и город забытых имён

«Автор»

2026

Светлова П.

Пудовиковы и город забытых имён / П. Светлова — «Автор», 2026

Шумный венецианский карнавал встречает семью Пудовиковых конфетти, старинными масками и загадочной телеграммой: чопорному коту Барнаби срочно нужно закрыть полувековой долг перед таинственным другом. Но веселье оборачивается тревогой, когда неугомонная восьмилетняя Люба исчезает в узком сумрачном переулке. Следуя за девочкой в совиной маске, она проваливается в Изнаночную Венецию — сумрачный мир-ловушку, сотканный из забытых имен, нераспечатанных писем и хрупких обещаний. Здесь Любе суждено стать новой Забытой Принцессой и навсегда лишиться памяти. Взрослым вход на Изнанку закрыт, и на выручку отправляется младшая сестра Маруся, вооруженная золотым ключиком, алой нитью венецианской коллегии котов и великой силой детской любви. Чтобы спасти Любу и вернуть городу свет, девочкам предстоит вспомнить тех, кого когда-то невольно оставили в прошлом. Трогательная сказочная повесть о семье, дружбе и истинной цене каждого имени.

© Светлова П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Карнавал	6
Глава 2. Изнаночная Венеция	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Полина Светлова
Пудовиковы и город забытых имён
Пудовиковы и Город Забытых Имён

Глава 1. Карнавал

Февральская Венеция напоминала сказочный сундук с нарядами, который кто-то с грохотом распахнул и вытряхнул прямо посреди лагуны.

Зимний карнавал шумел, бурлил и не собирался утихать. Площадь Святого Марка клочкотала, точно гигантская медная кастрюля с праздничным компотом: разноцветные шелковые плащи, бархатные треуголки с покачивающимися перьями, золоченые маски, сыплющиеся отовсюду дождем конфетти и звуки скрипок, долетающие буквально из каждой арки. У каменных ступеней набережной мерно покачивались на темной воде длинные гондолы, словно нетерпеливые скакуны, готовые пуститься в пляс вместе с толпой. Мимо нескончаемой пестрой рекой плыли самые причудливые карнавальные персонажи: крылатые золотые львы, таинственные лекари с птичьими клювами, проказники Арлекины и смешливые Коломбины. В этой яркой круговерти было совершенно невозможно понять, кто приехал сюда вчера туристом, кто родился на этих каналах, а кто бродит в праздничной маске уже лет триста подряд.

Воздух был густым, холодноватым и пах восхитительно: жареными сладкими каштанами, ванильной сахарной пудрой, свежим морским ветром и чуть-чуть — сыростью древних мраморных ступеней. Небо над куполами соборов нависало низко, переливаясь перламутровым серым блеском, точь-в-точь как внутренняя сторона речной ракушки.

Семья Пудовиковых очутилась в этой европейской сказке не по путевке, а по строгому официальному вызову. Приглашение примчалось настоящей телеграммой — на шершавом бланке с чернильным оттиском пушистой лапы вместо сургучной печати:

«СРОЧНО ВЕНЕЦИЯ КАРНАВАЛ ОТЕЛЬ ОПЛАЧЕН СТАРОМУ ДРУГУ МОЕМУ ТРЕБУЕТСЯ КОНТРОЛЬ КАЧЕСТВА ТОЧКА ОН МНЕ КОЕ-ЧТО ЗАДОЛЖАЛ ЗАПЯТАЯ ВАШ БАРНАБИ».

— И что это за загадочный друг такой? — поинтересовался Миша, недоверчиво разглядывая телеграмму на свет.

— Кот, — глухо буркнул Барнаби из глубины переносной сумки, в которой ехал с самого вокзала и оттого пребывал в сквернейшем расположении духа. — Самый обыкновенный кот.

— Обыкновенный дворовый кот оплатил нам целый венецианский отель?! — захлопала в ладоши Люба.

— Обыкновенные коты, юная леди, умеют быть исключительно убедительными, когда кругом виноваты, — отрезал Барнаби. — И вообще, закройте молнию на сумке, здесь сквозняк.

На этом расспросы захлебнулись. Всю дорогу до Венеции кот угрюмо таращился в окно поезда с таким выражением морды, с каким глядят на город, где когда-то оставили невыплаченный кредит за трехкомнатную квартиру. За утренним кофе Валя дипломатично попыталась прощупать почву: велик ли долг таинственного приятеля, не замешана ли тут кошачья мафия и не грозит ли семье какая-нибудь хвостатая финансовая пирамида. В ответ Барнаби лишь демонстративно вылизал левую лапу, заметив, что в благородном кошащем обществе долги деньгами не меряют. Валя встревожилась еще сильнее, но кот уже свернулся клубком на подоконнике и притворился декоративной серой подушкой. Правда, сквозь сон его усы нервно вздрагивали, и один раз он отчетливо пробормотал: «Мар... нет, рано. Потом».

По площади Пудовиковы продвигались так, как двигались всегда и везде: образцовым походным строем. Папа Максим вооружился туристической картой, разрисовав ее оборот цветными секторами, графиками и заложив пятнадцать минут запаса «на случай непредвиденной пространственной аномалии». Мама Валя шла во главе колонны, привычно сканируя взглядом детей и пересчитывая головы каждые девяносто секунд. Настя вышагивала с раскрытым альбомом и мягким карандашом, увлеченно зарисовывая чумного доктора; кожаный клюв на ее эскизе получился настолько грозным и монументальным, что польщенный незнакомец вежливо приподнял широкополую шляпу и отвесил изящный поклон. Миша вертел головой, выбирая верхний ракурс для съемки, и сердито бубнил, что в такой плотной давке не рискнет поднять даже миниатюрный квадрокоптер — собьют страусиными перьями со шляпы первого же вельможи. Из дорожной сумки, которую бережно нес папа, доносились старческие комментарии: «Слишком много дешевой мишуры. В семидесятых карнавальные костюмы шили из плотного сукна, а не из синтетики. И сардины на рыбном рынке отдавали даром».

И лишь одна Люба наотрез отказалась маршировать по струнке. Ее красная вязаная шапка с пушистым помпоном ныряла в гущу толпы, как шустрый поплавок в волнах. Девочка возникала то у лотка с деревянными свистульками, то возле шипящего чана с пончиками-фри-телле, то возле уличного барабанщика, выбивавшего зажигательную дробь по перевернутому бочонку. Люба с ходу заглядывала под каждую маску и засыпала торговцев шарами одним и тем же вопросом:

— А вы настоящий?

Ответы немедленно стенографировались в ее пухлый разведблочнот: «Арлекин подмигнул и сказал — вероятно. Коломбина угостила карамелькой. Золотой Лев признался, что стоит на набережной двадцать лет и сам уже перестал понимать».

Для восьмилетнего полевого разведчика лучшей обстановки нельзя было и придумать!

И вдруг Люба застыла как вкопанная.

Всего в десятке шагов от нее, в тени старинной аркады, неподвижно стояла девочка. На ней была круглая белая маска совы с огромными янтарными стеклышками глаз и темный шерстяной плащик с глубоким капюшоном. Незнакомка была чуть повыше ростом. Она не гладела

по сторонам, не жевала сладости и смотрела в упор на Любу. А затем медленно, плавно подняла руку и поманила ее за собой.

— Эй! Ты кто? — крикнула Люба.

Она обернулась назад: маму, папу и сумку с ворчливым котом оттеснила шумная процессия барабанщиков к лотку с горячими трдельниками. Путь к своим был отрезан праздничным водоворотом.

Девочка в совиной маске не проронила ни звука. Она легко крутнулась на пятках и скользнула в темную щель между каменными палаццо — такую узкую и сырую, что двое взрослых людей там ни за что бы не разминулись плечами. Люба, у которой жажда приключений напроць заглушала любые намеки на страх, без колебаний припустила следом.

Проулок, которого секунду назад словно не существовало на карте Максима, принял ее без единого звука.

Грохот карнавала за спиной захлопнулся мгновенно — будто кто-то затворил тяжеленную дубовую дверь на кованый засов. Стены домов здесь вздымались необычайно высоко, окна глядели на мир слепыми темными стеклами, а булыжная мостовая под подошвами оказалась не влажной от морских брызг, а сухой и теплой, словно ее только что прогрело невидимое полуденное солнце.

Девочка в маске стояла в самом тупике и терпеливо ждала.

— погоди! — запыхавшись, крикнула Люба и тут же осеклась.

Тупик не был глухой стеной: за спиной незнакомки каменная кладка расходилась клубящейся туманной брешью, из которой отчетливо пахло пыльными библиотечными полками, старыми семейными фотоальбомами и почему-то — школьной раздевалкой с остывшими батареями.

Девочка сдвинула маску совы на макушку. Под белым фарфором открылось бледное, трогательное лицо с россыпью веснушек на носу и огромными серыми глазами, смотревшими с такой острой, безнадежной тоской, что у Любы неприятно кольнуло под свитером. Лицо казалось совершенно незнакомым. Но вот голос, которым она заговорила, прозвучал до слез узнаваемо — словно песенка из далекого ясельного детства, которую ты намертво забыл, но пальцы помнят ее ритм:

— Я Забытая Принцесса, — произнесла девочка ровным, тихим голосом. — А ты станешь моей новой фрейлиной.

И она доверчиво протянула вперед раскрытую узкую ладонь.

Люба наизусть знала главное техническое правило папы-инженера: «Неопознанный объект сначала измерь линейкой, оцени риски и только потом трогай руками». Но ладошка незнакомки выглядела такой беззащитной, а в серых глазах плескалось такое бесконечное одиночество, что Люба в первый раз в жизни наплевала на отцовские инструкции. Она шагнула вперед и крепко пожала протянутые пальцы.

— Вообще-то меня зовут Люба Пудовикова, — с достоинством отрекомендовалась она. — Но на должность фрейлины согласна. В разведке я уже бывала, характер стойкий!

Серый туман за их спинами сомкнулся мягко и бесповоротно, будто кто-то перевернул страницу тяжелой старинной книги.

Глава 2. Изнаночная Венеция

"Изнаночная Венеция"

Город, в котором очутилась Люба, безошибочно узнавался как Венеция — и одновременно не имел с ней ничего общего.

Каналы, горбатые мостики и лепные фасады палаццо находились ровно на тех местах, где им полагалось быть. Но весь материал, из которого был выстроен этот мир, оказался совершенно иным.

Стены зданий снизу доверху были сложены из старых бумажных фотографий. Миллионы черно-белых снимков, выцветших сепийных карточек с заломленными уголками: пышные свадьбы полувековой давности, школьные выпуски с гордыми учителями, малыши на коврах в окружении плюшевых медведей, солдаты в шинелях, обнимающие заплаканных жен, мальчишки с самодельными удочками на мостках. Карточки лежали аккуратными рядами, точно кирпичная кладка, и люди на них едва заметно шевелились, медленно поворачивая головы вслед проходящим девочкам. Но в переулках стояла мертвая, ватная тишина — прохожих здесь не было вовсе.

Крыши домов топорщились не глиняной черепицей, а чешуей нескрытых писем. Почтовые конверты лежали внахлест тысячами слоев; промозглый ветерок шевелил их углы с сухим бумажным шелестом, словно невидимый почтальон день за днем перелистывал тонны чужой забытой корреспонденции. На большинстве конвертов чернильные адреса и штампы истерлись до белых дыр. Ни одно из этих писем так никогда и не распечатали адресаты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.